

Вагнер Николай Петрович Новый год

Н. П. Вагнер

Новый год

С Новым годом! С Новым годом! И все веселы и рады его рождению.

Он родился ровно в полночь! Когда старый год - седой, дряхлый старикашка укладывается спать в темный архив истории, тогда Новый год только, только что открывает свои младенческие глаза и на весь мир смотрит с улыбкой.

И все ему рады, веселы, счастливы и довольны. Все поздравляют друг друга, все говорят: "С Новым годом! С Новым годом!"

Он рождается при громе музыки, при ярком свете ламп и канделябр. Пробки хлопают! Вино льется в бокалы, и всем весело, все чокаются бокалами и говорят:

- С Новым годом! С Новым годом!

А утром, когда румяное, морозное солнце Нового года заблестит миллионами бриллиантовых искорок на тротуарах, домах, лошадях, вывесках, деревьях; когда розовый нарядный дым полетит из всех труб, а розовый пар из всех морд и ртов, - тогда весь город засуетится, забегает. Заскрипят, покатаются кареты во все стороны, полетят санки, завизжат полозья на лощеном снегу. Все поедут, побегут друг к другу поздравлять с рождением Нового года.

Вот большая широкая улица! По тротуарам взад и вперед снует народ. Медленно, важно проходят теплые шубы с бобровыми воротниками. Бегут шинелишки и заплатанные пальтишки. Мерной, скорой поступью - в ногу: раз, два, раз, два - бегут, маршируют бравые солдатики.

Вот между народа бежит и старушонка, а с ней трое деток. Старший сынок в маленьком обдерганном тулупчике без воротника и в протертых валенках бежит впереди, подпрыгивает, подплясывает и то и дело хватает за уши - бегут, бегут, скрип, скрип, скрип.

- Мороз лютой, погоняй не стой!.. Бежим, matka, бежим!

- Бежим, касатик, бежим, родной. Мороз лютой, погоняй не стой!.. Господи Иисусе! - Бежим, Гришутка, бежим, лапушка!..

И Гришутка торопится, пыхтит, семенит ножонками. Скрип, скрип, скрип... От земли чуть видно. Шубка длинная, не по нем, но его поддерживает сестренка Груша. Поддерживает, а сама все жметса, ёжится. - Похлопает, похлопает ручками в варежках и опять схватит Гришутку за ручку и - побежит, побежит!..

- Мороз лютой, погоняй не стой!..

Но Гришутка не чувствует мороза. Ему тепло, ему жарко. Пар легким облачком вьется около его личика.

И весь он там, еще там, где они были назад тому с полчаса. В больших палатах, где большая, большая лестница уставлена вся статуями и цветами. Там швейцар с большими черными баками, весь в золотых галунах, в треугольной шляпе и с большою палкой.

Там живет сам "его превосходительство", и они ходили поздравлять его с Новым годом.

Каждый Новый год приходит Петровна с детками поздравлять его превосходительство, и каждый раз его превосходительство высылает ей три рубля за верную и усердную службу ее покойного мужа Михеича.

И на этот раз швейцар доложил - и через час выслали с лакеем новенькую, не согнутую трехрублевую бумажку.

Петровна поклонилась, поблагодарила, перекрестилась, дала швейцару двугривенный, на который он посмотрел искоса, подбросил на руке и затем с важностью опустил в жилетный карман.

Все время, пока они стояли в сенях у его превосходительства, Гришутка на все дивовался, все осматривал своими большими черными глазами и поминутно теребил мать за рукав.

- А это, мама, лестница? - лепечет он чуть слышно.
- Лестница, касатик, - шепчет мама.
- А куда она идет?
- Наверх, в комнаты.
- Они тоже большущие?
- Большущие, касатик, большущие.
- А на лестнице это сады посажены?
- Сады, родименький, сады.
- А между ними, что за куклы большущие, белые, стоят?
- Это для красы, лапушка, для красы.
- А это что, вон там, светлое такое - большущее?
- Это зеркило, касатик, зеркило.
- А это, посреди, из чашки вверх бежит, это что такое, мамонька?
- Это фантал, касатик, фантал... А ты нишкни, лапушка, сейчас придут... не хорошо болтатьто...

И Гришутка замолк, но не успокоился. Его черные глаза словно хотели проникнуть насквозь и ковер на лестнице, и медные прутья, которыми он был пристегнут, и лепку на сводах высоких пилястр, и грациозную фигурку сирены, поддерживающей чашу фонтана.

"Вот бы туда посмотреть! - думал он, - в те большущие комнаты, что на верху этой лестницы с куклами. Там, чай, каких чудес нет?.."

И он бежал дорогой и все придумывал, воображая - какие должны быть чудеса на этой большущей лестнице?

- Бежим, бежим, лапушка, замерзнешь, - торопила Груня.

И Гришутка инстинктивно бежал скоро, скоро, скоро. Скрип, скрип, скрип, скрип, скрип!..

II

Прибежали в переулчишко, узенький, дрянненький, в двухэтажный серенький домишко и то на задний двор, чуть не в подвальный этаж; перед грязным, заплесканным крылечком целая гора намерзла грязных помоев. Скатились, точно в яму. Здравствуйте! домой пришли.

- Холодно! голодно!

- Погодите, ребятки, - говорит мать, - теперь у нас есть что поесть и чем погреться. Погодите, родненькие. Сейчас будем с Новым годом. Я духом слетаю, дровец куплю, того, сего.

И действительно, духом слетала. Только по дорожке, на самую чуточкуминуточку в питейный дом завернула и шкалик перепустила, - да тут же рядом в лавочке пряничков, орешков, леденчиков купила и три фунта колбасики вареной, да краюшку решотного, да полфунтика масла промерзлого - чтобы Новый год было масляно встречать.

- Ну! Пташечки-касаточки, вот вам! - И того, и сего, и этого... Груня, клади, матка, живей дровец в печь! Насилу, насилу все-то дотащила.

И Груня положила дровец, растопила печку. Зажарили вареную колбасу в масле. Мать суетилась без отдыха. Груня и Вася помогали ей с усердием. Вскипятили самоварчик, достали с полочки чайник с отбитым носком, с трещинами, чашки полинялые и побурелые. Из сундука вынули сахар в жестяной коробочке и щепотку чаю, бережно завернутую в бумажку. Чай давно уже пахнул кожей и сеном. Впрочем, он и свежий был с тем же самым ароматом.

Только Гришутка не принимал участия в общей хлопотне. Он как сел у замерзлого окошечка, так и не отходил от него. Он хмурился и скоблил ледяные узоры на разбитых оконцах. Но, очевидно, машинально скоблил, а его душа и мечты находились там, там - в этих большущих сенях с мраморной лестницей, усаженной садами, уставленной большими

куклами...

- Гришутка, касатик, дай скину красну рубашечку - да в сундучок спрячу до праздника. А то, не ровен час, касатик, запачкаешь, упаси Господи!

- Нет, мама, я в ней останусь...

- Запачкаешь, мол, говорю, касатик. - И мать подходит к нему, обнимает и целует - в надежде, что касатик снимет драгоценную рубашечку из красного канауса и плисовые черные шаровары, подарок крестной матери; но касатик положительно возмущается...

- Отстань, мамонька! Говорю: не замай!.. От тебя вон водкой воняет...

- А это я для куражу, для праздничка, лапушка, выпила, - оправдывается мама, быстро вертя рукой около смеющегося, красного, истрескавшегося лица.

- Ну, ладно! Отстань, мамонька, я целый день буду в эвтом ходить, - вот что! И мамонька отстала. Пушай его, думает она, уснет младенец, я его, крошечку, раздену, а теперь пушай пощеголяет, душеньку для праздника потешит.

- На-ко, сахарный, леденчиков да пряничков! - предлагает она.

И сахарный машинально, задумчиво берет леденчики и прянички. Но, очевидно, думы его слаще ему леденчиков и пряничков.

Наелись, напились, - напраздничались. - Пришли гости: кум, да сват, да свояченица, принесли гостинцев.

- С Новым годом, с новым счастьем. Дай Бог благополучно!..

Послали Ваню за полуштофом. Опять поставили самовар, и пошли чаи да рассказы без конца и начала...

Наконец, наговорились, разошлись по домам.

Стемнело. Гришутка припрятал пакет, что мать принесла с пряниками, и в нем с десяток пряничков и леденцов. Как ни тянуло его, он ни один не съел, все припрятал с пакетом, завернув его тщательно, и все держал за пазухой.

- Мамонька! - обратился Гришутка к матери, - а там, там, где мы были, там долго спать не ложатся?..

- У его превосходительства?.. И-и, касатик медовой, ведь они баре, сказала она шепотом. - У них ночь заместо дня. Мы давно уже спим, а они до вторых петухов будут сидеть.

- Что ж это они делают, мамонька?!

- А вот что, касатик. Седни вечером у них елка. Большуцу, большуцу такую елку поставят и всю ее разуберут всякими гостинцами, конфектами, да всю как есть свеченьками уставят. Страсть хорошо! А наверху, на самом верху звезда Христова горит... Таки прелести - что и рассказать нельзя. Вот они, значит, около этой елки все соберутся и пируют.

И Гришутка еще больше задумался. - Большая елка, с Христовой звездой наверху, приняла в его детском все увеличивающем представлении сказочные, чудовищные размеры.

К вечеру матка стала совсем весела. Всех, и Ваню, и Груню, и Гришутку, заставляла плясать и сама прищелкивала и припевала:

Уж я млада, млада сады садила,

Ах! Я милого дружочка поджидала...

Наконец, она совсем стала сонная. Ходила покачиваясь. Все прибирала. Разбила две чашки, расплакалась, свалилась и захрапела.

- Ну, - сказал Ваня сестре. - Теперь матку до завтра не разбудишь. Пойдем за ворота поглазеим. И они, накинув тулупчик и пальтишко, вышли за ворота.

Гришутка остался один.

В комнате совсем стемнело. Он присел около печки в угол, прислонился к ней и думал упорно все об одном и том же. Темная комната перед ним вся освещалась, горела огнями. Чудовищная елка вся убиралась невиданными дивами, и все ярче горела на ней звезда Христова. Наконец изображение устало. Гришутка зевнул, съежился, прислонился ловчее к печке и крепко заснул...

Долго, долго прогуляли Груша с Ваней: бегали на большую улицу, смотрели в окна

магазинов, наконец вернулись, и целые клубы пара ворвались с ними в комнату. Он обхватил, разбудил Гришутку.

Весело перешептываясь и смеясь, дети разделись и спать улеглись, - а об Гришутке забыли.

Он тихонько привстал, потянулся. Подождал, пока брат и сестра заснули. Тихо, на цыпочках подошел он к своей шубке. Кое-как надел ее. Надел шапку, варежки, натянул валенки - и тихонько вышел, притворив дверь как мог плотнее.

Черная ночь обхватила его морозным воздухом. В переулке тускло мерцали фонари.

Ш

Он помнил только, что "его превосходительство" живет на улице, которая называется Большой Проточной, и что в эту улицу надо свернуть с Заречного проспекта.

Вышел он из переулочка на улицу и у первого попавшего "дядюшки" спросил как ему пройти в Большую Проточную.

- Эх ты, малыш! - сказал дядюшка. - Как же ты эку даль пойдешь? Ступай до угла, а там поверни налево... и все прямо, прямо иди, все так-таки прямо все иди, иди по проспекту-то, а там спроси - укажут, чай, добры люди... Ах ты, малыш, малыш!

Смотри через улицу не переходи! Задают... Да тебя кто послал-то?!

- Никто, дядюшка, я сам, к его пливосходительству иду...

- Сам! - удивился дядюшка и долго смотрел вслед Гришутке, - а он, подобрав шубку, бежал, бежал, как было указано. Пот давно уж капал с его покрасневшегося личика. Он шатался. Ноги ему отказывались служить...

Наконец еле дыша, чуть не плача, подошел он к другому "дядюшке".

- Дяденька! Укажи мне, где Большая Проточная.

Дяденька поглядел на Гришутку, подумал. Нагнулся к нему.

- Считать умеешь?

- Нетути!..

- Нету-ти. Ну, вот что. Смотри, - и он растопырил пальцы. - Вот одна улица, другая, третья. И поверни ты в эту третью. Это и будет Большая Проточная... Понял?

- Понял! - прошептал Гришутка. - И с новыми силами, с новой бодростью в сердце побежал дальше.

Против первой улицы он загнул один пальчик, против второй - загнул другой, в третью повернул. Шел, шел и вот... Да! Действительно, это был он, дом "его превосходительства". Но отчего же перед ним стоят все кареты, кареты?

Гришутка вздохнул полной грудью и поднялся на крыльцо.

С трудом он чуть-чуть отворил и протиснулся в большие дубовые двери с зеркальными стеклами. Отворил он и вторые двери и очутился в сенях.

Газовые лампы ярко горели. В сенях никого не было. Зато в швейцарской направо слышались громкие голоса и смех.

Гришутка подумал, идти ли ему к швейцару, или не идти. Он боялся его большой палки с золотым шаром и больших черных бакенбард. На вешалке висело много шуб. Он скинул тулупчик, свернул его комочком и положил на пол в уголок. Затем вынул из-за пазухи гостинцы - пакетик с леденцами и пряниками - и бодро отправился вверх по мраморной лестнице.

Статуи точно смотрели на него с их пьедесталов; но он, не глядя на них, бойко всходил наверх. Маленькое его сердце колотилось в груди, голова шла кругом.

Наконец он поднялся на высокую лестницу. Там, наверху, все зеркала, зеркала - и он увидел в них себя, увидел свое покрасневшееся личико - с большими черными глазами.

Потом он вошел в первую залу - всю красную, раззолоченную. Пол такой скользкий и блестит как "зеркало". А там, впереди, был шум, говор, детские голоса, детский смех.

Гришутка пошел туда. Он прошел всю длинную залу и подошел к двери. Перед ним была большая, большая белая зала, - и посреди ее большущая елка.

Вся она сверху донизу горела и сверкала огоньками! А на самом верху сияла большая,

большая звезда Христова.

Кругом елки были дети, много детей в ярких нарядных платьицах. А кругом них стояли господа, барыни... Шум, говор, смех!..

У Гришутки потемнело в глазах. Вся зала покрылась словно туманом и закачалась. Но это было ненадолго. Он вытянул вперед ручонку с гостинцами, плотно прижал другую к груди, к колыхавшемуся сердцу и бодро пошел вперед.

Он подошел прямо к высокому седому господину.

Этот господин и был сам "его превосходительство".

- Ваше пливосходительство! - сказал внятно Гришутка, - вот я пришел с Новым годом вас поздравить. Вот-с и гостинцы!

- Это мне? - спросил его превосходительство.

- Вам, ваше пливосходительство... А мне можно будет поиграть здесь?

Его превосходительство удивленными глазами, не переставая улыбаться, посмотрел на Гришутку, на его доброе, красивое личико с умными большими глазами.

Он смотрел, а сам развертывал серый пакетик с леденцами и пряниками.

- Да кто же ты? - спросил он с недоумением, оглядываясь кругом.

- Я Гришутка... Мама, знаете, спать легла, и все спать легли. Я все сидел да думал, сидел да думал, как бы мне посмотреть на большую елку. Взял да и пошел один. Спросил сперва одного дяденьку, потом другого дяденьку, - а он растопырил этак руку - вот, говорит, одна улица, а вот другая улица, и там будет третья. Ты в третью-то и ступай...

Большие и малые обступили Гришутку. Нимало не смущаясь, он осматривал всех и продолжал рассказывать.

- Да кто же твоя мама? - спросил его хозяин дома.

- А Петровна... чай, знаете?

- *Quel charmant enfant!* (Какое прелестное дитя), - сказала одна молодая дама. - *Dieu! Quels yeux!* (Какие чудные глаза!)

- Где же живет Петровна? - спросил его превосходительство, обертываясь к дверям залы. У этих дверей стояли несколько слуг и один скоро, скоро подошел к его превосходительству.

- Узнайте, где живет Петровна? - сказал его превосходительство.

И слуга быстро побежал, узнал и доложил, что Петровна живет на Песках, в Глухом переулке.

- Боже мой! и этакую даль ты шел один! - вскричали дамы.

- Тссс! - произнес генерал, покачав головой.

- Ну, - сказал он, - Гришутка, теперь пойдем - я тебя, брат, представлю хозяйке дома, - и он повел Гришутку за руку в гостиную, в которой было не так светло и где сидели старые, почтенные дамы.

- Вот, - сказал он, входя в гостиную, - рекомендую вам джентльмена с Песков. Один ночью пришел с Песков сюда, пришел поздравить меня с Новым годом - и вот вам - гостинцы принес... не угодно ли. - Говоря это, он любезно предложил дамам - *les bonbons de Piessky*.

- *Quel délicieux enfant!* - вскричали дамы. - Прелестный ребенок: подойди, душечка, сюда... *Ravissant!*... Как же это ты один шел... И не страшно тебе было?

- Нет, - сказал Гришутка. - Я, знаете, все бежал, бежал так шибко, шибко. Одного дяденьку спрашиваю, где, мол, Заречный проспект, а он говорит: тебя, мол, говорит, кто послал?..

- Да тебе сколько лет-то? Клоп ты с Песков!.. - спросил вдруг его превосходительство.

- Мне семь...

- *Qu'est ce que sa...; сёмой - quel baragouin!*

- Вот, княгиня, - обратилась хозяйка к старой, больной даме. - Вы искали воспитанника. Вот вам сирота, изволите видеть... один в одиннадцатом часу с Песков пришел. Можете вы себе представить... один, один... с Песков пришел.

Княгиня взяла Гришутку за ручку и притянула к себе... Она посмотрела в его личико. Гришутка пристально посмотрел на нее...

- Знаешь что, Гриша, - сказала она, - это не сам ты пришел, а Бог привел тебя... ты любишь Бога?..

- Для-че не любить. Я всех люблю, коли кто добрый. А вот у нас дворник Наумыч, чай, знаете, он злющий, все маму бранит. Я его не люблю.

- А меня будешь любить?

- Тебя-то?

Он пристально посмотрел на добрые, полусонные глаза княгини.

- Ладно. Для-че не любить.

Говоря это, он тщательно рассматривал вышитый ридикюль княгини и кисти его из стального бисера.

- Ну! Гришутка с Песков, - сказал генерал, - пойдем теперь в залу. За твои гостинцы я тебе сам дам гостинца. И, взявши опять Гришутку за ручку, он привел его к елке.

- Ну, чего хочешь? Выбирай!

Пред Гришуткой запестрели нарядные бонбоньерки, корзиночки, игрушки - все как жар золотом горело и рябило глаза. Но Гришутка твердо помнил одно то, что занимало его целый вечер.

- Мне, дяденька, ваше пливосходительство, - сказал он, - Христову звезду дайте.

- Какую Христову звезду? - спросил удивленно его превосходительство.

- Вон, вон, на самой вершинке-то - така, как жар горит!

- Ооо! чего захотел! Самой вершинки захотел. Ах ты, клоп с Песков!.. Да как же я достану до звезды-то Христовой. Видишь, видишь... я еще не дорос до нее...

- А вы, дяденька, ваше пливосходительство, велите лестницу принести. Такую большущу, у нас есть на Песках така лестница, что по крышам лазают.

- Ха! ха! ха! - засмеялся его превосходительство, и все дети дружно захохотали кругом.

- Ну, я велю принести лестницу, - сказал его превосходительство, - только, думаю, такая лестница и здесь найдется, за ней не надо на Пески ходить.

И он велел принести лестницу.

Принесли ее три лакея и подкатали как раз к елке.

- Ну, - сказал генерал, - Гришутка с Песков, вот тебе и лестница. Теперь, если хочешь, полезай сам и доставай Христову звезду.

И Гришутка бодро кинулся на лестницу. Бойко взошел он на нее. Но ручонка не доставала до звезды.

Не долго думая, он схватил ближайшую ветку и потянул к себе. Несколько свечек упало, несколько золоченых яблоков и орехов полетело вниз; но Гришутка крепко схватился за звезду, изо всех сил потянул ее, и звезда осталась у него в руке.

Высоко подняв звезду над головой, весь красный от волнения, весь дрожа, он начал спускаться с лестницы. Дети и барыни закричали "браво, браво!" и громко хлопнули в ладоши.

Гришутка спустился с своим сокровищем.

- Ну, - сказал его превосходительство. - Молодец, Гришутка с Песков! Знаешь ли, что это за звезда?

Гришутка ничего не отвечал. Он тяжело дышал.

- Эта звезда будет твоей путеводной звездой, - понимаешь? - твоей путеводной звездой. Она тебя выведет на дорогу. Береги ее!

IV

Прошло много, много лет.

Давным-давно не стало матери Гриши. Не стало Груни и Васи. Умер его превосходительство и княгиня-воспитательница Гриши, а сам Гриша из Гришутки давно превратился в Григория Васильевича, и сам стал "его превосходительство".

Он даже поселился на Большой Проточной, недалеко от прежнего дома его

превосходительства, от того самого дома, в котором он добыл когда-то свою "путеводную звезду".

Он жил в третьем этаже на большой лестнице; на ней также стояли статуи и большие растения. И эта лестница была общая для всех этажей и всех квартирантов.

В квартире была большая передняя и несколько комнат, светлых, чистых и просторных.

У него была добрая старушка жена, три взрослые дочери и две внучки.

Всю жизнь его вела "путеводная звезда" по светлой прямой дороге. Он всю жизнь хлопотал о том, как бы устроить для всех Гришуток приюты, где бы они воспитывались и выходили в люди не по прихоти случая или "путеводной звезды".

Он думал, что придет, наконец, то блаженное время, когда не будет глухих закоулков на разных "Песках" и люди не будут жить в подвальных этажах, подле помойных ям и мерзнуть от холода в зимние морозы.

Он много трудился над этим делом - и теперь почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как он в первый раз выступил на эту дорогу.

Много было основано им всяких благотворительных обществ и учреждений, много построено всяких благотворительных зданий и заведений. Но чем более он их строил, тем дальше уходила от него цель, за которой он гонялся, как мальчик за тенью.

Пятьдесят лет тому назад он вышел на смертный бой с тем чудовищем, которое зовут людской бедностью.

Он бился с ним ровно полвека, и что же?.. Чем больше он бился, тем больше выросло чудовище. Он строил новые учреждения, и новые головы вырастали у чудовища, как у гидры.

Город разросся. Но не исчезли его "Пески" и глухие закоулки. Они только отодвинулись на новые окраины, а в самом центре завелись углы и подвалы грязные закоулки и разные помойные ямы. Завелись целые приюты нищеты и разврата...

Он чувствовал, как руки его опускались, - он, семидесятилетний старик, чувствовал, что борьба кончилась, что победило его страшное чудовище.

Грустный, испуганный сидел он один в своем кабинете, накануне Нового года, опустив на руки свою седую голову.

А в зале раздавались веселые голоса, детский смех.

Но ничего не слышал он. Не сводя глаз, он смотрел прямо, упорно, и глаза его в ужасе раскрывались шире и шире.

Перед ним стояло отвратительное чудовище - грязное, худое. Оно дрожало от холоду и едва ворочало коснеющим языком. Его костлявое тело выглядывало из множества дыр обдерганного, обтрепанного рубища.

А сзади его, смеясь, самодовольно шло другое чудовище, еще более отвратительное, - чудовище, страшное своей бесчеловечностью и силой. Оно хохотало пронзительно - и при этом тряслись его длинные пейсы и остроконечная борода...

Оно шло на смену и было непобедимо...

Нестерпимый ужас охватывал сердце...

- "Путеводная звезда", - шептал он, - "путеводная звезда", куда ты меня привела?!!

И он смотрел с укором на эту "путеводную звезду", на это воспоминание из его далекого детства. Она висела перед ним на стене, обделанная в золотую рамочку.

Но в это время в соседней комнате раздались детские голоса, и в кабинет к нему ворвалась веселая компания.

Впереди всех бежали две его внучки с бокалами в руках, с букетами белых роз.

- С Новым годом, деда, с Новым годом!.. С новым счастьем, - и они обе обхватили его шею...

Подожли дочери, подошла и жена - и обняли его голову.

- С Новым годом, старик! - сказала она, целуя его.

Но старик ничего не ответил... Только горькие слезы тихо катились по его доброму старческому лицу...

